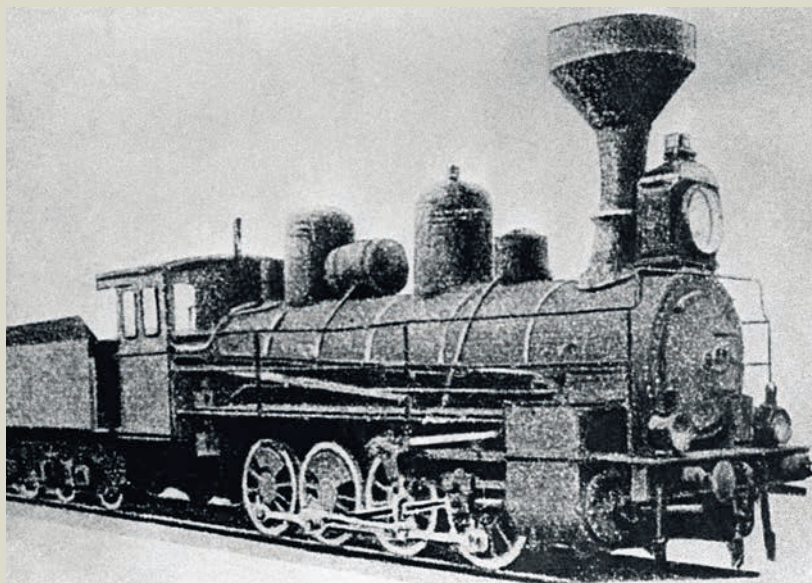

MAURICE-LOUIS BRANGER / ROGERVIOUET / AFP

ФОТОХРОНИКА ТАСС

МЕЖДУГОРОДНЯЯ ТЕЛЕФОННАЯ СВЯЗЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1 января 1899 г. начала действовать линия Санкт-Петербург — Москва протяженностью 609 верст. Кроме того, телефонные линии связали Москву с Подольском, Серпуховом и Коломной (около 100 верст), Николаев с Одессой (130 верст), Ростов с Таганрогом (около 80 верст), Санкт-Петербург с Гатчиной, Царским Селом, Петергофом и Кронштадтом. На рубеже веков в Харькове было 806 абонентов, в Киеве — 955, в Санкт-Петербурге — 2933, в Москве — 2227 абонентов.

___Кремль.
Царь-пушка и другие,
1911 год

___Первый паровоз
Луганского завода,
1900 г.

Лучшим подтверждением высокого качества отечественного товара стало заметное событие — в 1908 году русские заводы были приняты в Международный рельсовый синдикат.

На подъеме в этот период было и машиностроение, осваивавшее выпуск всевозможных машин и механизмов, от паровых котлов для кораблей до двигателей внутреннего сгорания (в частности, системы инженера Р. Дизеля). В 1913 году на долю России пришлось 5,3% мирового производства промышленной продукции (для сравнения: на сегодняшний день эта доля оценивается от силы в 1,5%).

Активно развивалась электротехника, радио и телефония. В Российской империи существовала и развивалась не только внутригородская, но и междугородняя телефонная связь. Серьезным техническим новшеством, поступившим в русскую армию в годы Первой мировой войны, был полевой телефон. В 1914 году в каждом полку имелась телефонная команда при 23 «микротелефонных» аппаратах. К 1917 году в пехотном и стрелковом полку полагалось иметь 40 «полевых микротелефонных аппаратов с фони-ческим вызовом облегченного образца 1914 года типа Эриксона» со всеми принадлежностями и элементами питания, 16 полевых магнитоэлектрических телефонов, четыре коммутатора на шесть линий, 80 верст полевого телефонного кабеля, 40 катушек для кабеля, 16 фонарей и проч. Все имущество полковых телефонистов помещалось на пяти двуколках и одной парной повозке. На уровне же корпусного и армейского руководства использовалась радиосвязь. Свои телефонные станции имелись и на каждом боевом корабле. Уровень телефонизации накануне Первой мировой войны был таков, что любой корабль, стоящий на рейде порта, мог подключиться к городской и междугородней сети. Для этого было достаточно телефонный шнур с вилкой воткнуть в розетку, расположенную на специальном буге. К чему весь этот рассказ? Да все к тому же — Российскую империю 1913 года так долго представляли обществу как абсолютно отсталую страну, что невольно хочется воскликнуть: «Это не так!» Да, были проблемы, промахи, просчеты. А у кого, где и когда их не было? Но ведь были и победы — настоящие, большие, зримые. Был парад побед, а нам демонстрируют список поражений. Оно и понятно — поражения царизма оттеняли победы и достижения советской власти. Что ж, возможно, это не так уж плохо. В конце концов, если есть достижения, почему бы ими не гордиться, сравнивая с предшествующей ситуацией? Но не будет ошибкой заметить иное: в основе успеха советской индустриализации первых пятилеток все-таки лежит успех индустриализации конца XIX — начала XX веков.

ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ

Русско-японская война 1904–1905 гг. обошлась Российской империи в 2370 млн руб., или в 6328 млн французских франков. Общие же военные расходы России (военные, морские и чрезвычайные) в 1911 г. составили 687 млн руб. (1834 млн фр.), в 1912 г. — 762 млн руб. (2035 млн фр.), в 1913 г. — 866 млн руб. (2312 млн фр.). В пересчете на душу населения (с учетом изменявшейся по годам численности населения страны) это составит: в 1911 г. — 4 руб. 11 коп., в 1912 г. — 4 руб. 46 коп., в 1913 г. — 4 руб. 95 коп.

Трудности и проблемы

Затруднял развитие российской экономики перед Первой мировой войной и географический фактор. Исторически сложившееся расположение экономических центров четко делило страну на центральный промышленный район, расположенный в европейской части страны, и преимущественно сельскохозяйственную периферию. Европейская Россия в конце XIX — начале XX веков покрывалась густой сетью железных дорог, связавших индустриальные и торговые центры. Окраины в этом плане отставали. Там лишь проектировались магистрали, которые будут построены уже советской властью: Турксиб, БАМ и др. Экономическое, а в первую очередь военно-стратегическое значение этих дорог было понятно всем — на Дальнем Востоке актуальной оставалась «желтая угроза», а к Туркестану подбиралась извечная соперница России — Британская империя.

Ситуация, складывавшаяся у западных границ, также вызвала серьезную озабоченность. Промышленно развитые районы близ границы и все Царство Польское в случае начала войны с Германией и Австро-Венгрией оказывались в прифронтовой полосе — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Юг страны, особенно район Северного Кавказа, хотя и не мог похвастаться высоким уровнем промышленного развития, тем не менее являлся объектом вождения союзной Германии Турции. Бакинский нефтеносный район непременно должен был попасть на карты германского Генерального штаба, а в Апшеронский полуостров и крепость Грозную должны были быть направлены стрелы, обозначающие наступательные директивы. Потеря нефтяных ресурсов сразу же сказалась бы на промышленности и поставила бы на прикол значительную часть русского флота.

Первые годы XX века характерны возрастанием доли иностранного капитала в экономике России. Средства нерезидентов присутствовали во всех отраслях, от металлургии до рыболовства, и во всех губерниях, от западных границ до восточных. С одной стороны, этот фактор можно было бы считать положительным — иностранный капитал способствовал развитию различных секторов экономики страны, с другой стороны (и это отмечали некоторые авторы тех лет), иностранцы согласованно вытесняли с рынков русских предпринимателей; кроме того, в случае начала войны поведение зарубежных капиталистов было легко предсказуемо.

Безусловно отрицательным фактором надлежит признать чрезвычайно разросшийся бюрократический аппарат страны. Бюрократия, как известно, воспроизводит себя, более того, порождает и иные отрицательные явления, в первую очередь — коррупцию. Российская империя в этом плане не была исключением.

Si vis pacem, para bellum

Россия не развязывала войну. Напротив, ей нужен был мир. Ей были жизненно необходимы несколько мирных лет, в течение которых шло бы поступательное развитие ее экономики. Именно об этом в октябре 1909 года в беседе с редактором саратовской газеты «Волга» говорил П. А. Столыпин: «Дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа — вот девиз для нас всех, русских! Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России».

Не менее глубокие и даже провидческие слова написал в своей «Объяснительной записке к росписи государственных доходов и расходов на 1913 год» тогдашний министр финансов В. Н. Коковцов: «Подводя итоги, министр финансов не может не выразить убежденности в том, что для того, чтобы еще более повысить экономический уровень, достигнутый Россией, ей необходимы всего лишь — учитывая величину ее еще столь мало эксплуатируемых природных богатств, обещающих неисчислимые ресурсы в будущем, — внутренний и внешний мир, развитие интеллектуальной культуры, распространение просвещения и труд ее огромного народонаселения в различных отраслях промышленности, науки и техники. Только на этих условиях и посредством усилий, предпринятых всеми классами населения, Россия может обеспечить себе устойчивое материальное процветание и занять среди других великих держав место, которое ей принадлежит по праву в силу народных качеств и изобилия природных ресурсов».

Латинская поговорка, восходящая к сочинению римского военного теоретика IV–V веков Флавия Вегетия «О военном деле», гласит: Si vis pacem, para bellum («Если хочешь мира, готовься к войне»). В то время когда молодой империализм готовился к новому пределу мира, России благоденствовать было нельзя — порох надлежало держать сухим. Тем более следовало выделять средства на производство этого пороха.

О готовности России к мощному экономическому рывку в Европе знали и не были настроены на предоставление ей времени для усиления. Россию надо было подстрелить на взлете.

В германском Генеральном штабе это осознавали и рассуждали просто: Германия к войне готова и у нее нет оснований ждать, пока к войне подготовятся противники. 1 июня 1914 года начальник немецкого Генштаба генерал Хельмут Мольтке (младший; знаменитый племянник своего знаменитого дяди) сказал: «Мы готовы, и теперь чем скорее, тем лучше для нас».

Первая мировая война началась.

АЛЕКСАНДР ЛОМКИН,
кандидат экономических наук